

Они пересекли четыреста километров по контролируемой Легионом территории с ощущением, будто ничего не добились, и вдоволь насмотревшись на ужасные смерти. Должно быть, их силы уже совсем были на исходе. Вернувшись на базу, они наконец-то позволили себе расслабиться и разом направились к себе в комнаты, чтобы поспать.

Фредерика обошла всех. Она стояла снаружи у дверей и слушала, не стонет ли кто от кошмаров, или не льет ли кто безмолвные слезы. Для большинства девочка была императрицей, которую они защищали, но о своей истинной личности она никому не сообщала. Обход был тем малым, что она могла для них сделать.

Гадюка чуть ли не постоянно следовал за ней, оставаясь позади на несколько шагов. Может, поступал так из долга старшего, или потому что Шин и остальные попросили присмотреть за ней. Но потом Вик вдруг разомкнул губы:

— Могу я задать один вопрос, Розенфорт?

— Какой? — отозвалась Фредерика, не возвращая взгляда.

Вик говорил ей в спину. Да, вполне возможно, что эта девочка — внебрачный ребенок из весьма знатной семьи. И хотя Империя гнушалась смешению родословных, ей могли дать образование, соответствующее семье правителя. Но несмотря на это, даже если...

В его глазах цвета императорского фиолетового появился намек на сомнение, некое подозрение.

— Ты же талисман, всего-навсего. Почему тогда чувствуешь ответственность за «восемьдесят шесть», за обычных солдат?

□

Начальник штаба, Виллем, заговорил, даже не удостоив взгляда отчет на голографическом окне. Они находились в кабинете объединенного штаба западного фронта.

— Мы выполнили первоначальную цель операции по оказанию содействия отступлению экспедиционных сил с минимальными потерями. Что касается возврата Ванаргандов, бронетехники и экзоскелетов Берсерк, они были получены в необходимом количестве.

Течение войны безжалостно обрушивалось на них, нагрузка возросла, а Виллем все равно не казался помятым. Грета задумалась про себя, что таковым было доказательство принадлежности ее старого товарища к числу великих дворян, некогда правившими Империей — монстром в самом что ни на есть истинном смысле.

Он держал под контролем мимику лица и эмоции, чтобы не замечать происходящие вокруг

изменения. Все, что показывал остальным и, возможно, даже себе, — это фасад здравого смысла и равнодушия.

В нем была эта почти механическая бесчеловечность, присущая правящему классу. Для таких дегуманизация ограничивалась не только тем, что простолюдинов воспринимаешь за скот, а людей с боевых территорий — за охотничьих псов. Они и в членах своих семей и детей видели лишь инструмент и пешек, которыми можно воспользоваться в политической игре и для установления власти.

Единственным намеком на человечность в нем оставались угольно-черные глаза, мерцающие теперь с еще большей остротой, чем она помнила. Они сияли видимыми ею ранее пустотой и жестоким буйством. С бездушием столь много отнятого у него полем боя, ненавистью за собственное бессилие. Он оставил лишь горящий пепел вместо эмоций, чтобы справиться со всей болью.

— Вторая цель, эвакуация беженцев Республики. У вас вышло сопроводить более тридцати процентов населения. Заодно подтвердили бессмертность командующих машин и изменения в их поведенческой модели. Можно даже сказать, что в операции удалось много чего достичь, полковник Вензель. А потому, Грета, перестань кривить так лицо.

— Ты последний человек, от кого я хочу это слышать. Начальник штаба, сэр.

Уловив смысл в ее словах, начальник штаба повел бровью. Его молодой адъютант нахмурился. Казалось, один человек злился на потерю, а другой — выражал беспокойство за того, кто печалился.

Осознав, что она имела в виду, он моргнул и избавился от той остроты.

— ...Судьба генерал-майора Альтнера прискорбна. Но, я думаю, это вполне в духе Ричарда.

— Это точно.

Она понимала, что следующие слова ей не стоит держать при себе, к тому же все равно хотела их сказать. Не только ради Ричарда, но и также ради Виллема.

— И еще... У меня есть послание от Ричарда.

— Давай послушаем.

— Никогда больше не становись Богомолем-убийцей... Он сказал, что переживал, когда видел тебя таким, поэтому хочет, чтобы ты никогда так не возвращался к прошлому себе.

На миг глаза начальника штаба широко раскрылись, словно его застали врасплох, а затем он протяжно — и с явным раздражением — выдохнул.

— Все гадал, какими же будут его последние слова для меня, и вот какими... Ну разумеется не вернусь. Он что, не знал, как много лет прошло, или какая у меня теперь роль? Сейчас я на должности, которая позволяет уничтожать еще больше этих железяк, чем если бы я был на передовой. Кто после всего опять станет бронетанковым пехотинцем? — произнес он совершенно недовольным тоном, но потом его глаза счастливо сощурились. Наверное, это первая его улыбка с начала второго крупномасштабного наступления. — И я знал, что это тревожило его. Знал, но он же был на десять лет старше меня. Уже тогда он стоял во главе семьи, за плечами у него имелся неплохой жизненный опыт. Для сэра Альтнера, командующего офицера, вполне логично трястись из-за зеленого новобранца вроде меня.

Грета грустно улыбнулась. Об этом она тогда не догадывалась. А вот он — да.

— Ты всегда был самым худшим, знаешь?

— Считаешь, ты вправе мне это говорить, Черная вдова?

Убийца Легиона, что билась в самоотверженной манере за своего почившего мужа, как если бы никогда не снимала траурное платье.

Грета улыбнулась. С тех пор она многое приобрела, хотя это не заменит утерянное. Приобрела то, что нужно защищать.

— Нет, теперь я никакая не Черная вдова.

□

В секторе беженцев из Республики Союз подготовил учреждения для сирот войны. Им заправляла военная полиция Союза. Сео вверил сына лисьего капитана офицеру, объяснил ситуацию ребенка и в благодарность склонил голову.

Когда офицер любезно принял опеку над ребенком, Сео проводил его. Затем он из передовой вернулся в Санкт-Йеддер на поезде: поездка с пересадкой заняла несколько дней.

Начал падать снег, и в столице уже было чуть прохладнее чем в тот день, когда он уезжал. Холод покалывал кожу, но напряженная атмосфера, прежде нависающая над городом, к этому моменту сошла на нет.

Может, все из-за того, что с тех пор бомбардировка спутниками-ракетами ни разу не проводилась, а еще сообщили, что если и случится следующий раз, то можно будет рассчитать место удара.

Плюс, столица располагалась довольно далеко от передовой, поэтому, как обычно, последствия войны были не так явно выражены. Фронты по-прежнему держат Варги, так что изменений не так много.

За исключением...

...Оглядевшись, он заметил группу демонстрантов, которая шествовала вдоль тротуара с противоположной от него стороны. Люди держали плакаты с критикой Эрнеста, его режима и несостоятельной армии. В основном это была молодежь: за прошедшие десять дней с тех пор, как он видел их в последний раз, они надели соответствующее сезону пальто, еще и численность группы увеличилась.

Они заняли весь тротуар, просто шли и скандировали слоганы и требования. Еще он заметил, как некоторые с противоположной стороны переходили на его сторону.

У Сео появилось дурное предчувствие при виде них.

Послышался другой голос, показавшимся Сео треском стекла, он раздавался с голографического экрана, проецируемого на стену здания. Это была новостная программа, сообщающая о состоянии войны. Про падение Республики несколько дней назад упомянули лишь вскользь. Но затем поступило сообщение о павшем резервном формировании Объединенного королевства у подножья горного хребта Драконий труп, потрясшее весь Союз.

Более того, Союз побросал некоторые сектора вдоль второго южного фронта. За несколько дней отсутствия Сео в Санкт-Йеддере новостные передачи стали обсуждать только войну. Будто пришло полное понимание, что у них военное время.

И да, в таких условиях теперь каждый знал, что ситуация становится хуже. Молодая дикторша уже не улыбалась, выражение ее лица и тон голоса были напряжены, когда она сообщала экстренные сообщения по той линии фронта или другой.

Взглянув вверх, Сео прошептал. Его взгляд острых нефритовых глаз был омрачен напряженностью и чувством надвигающейся катастрофы.

— Что будет дальше?.. С войной?..

«С нами?..»

□

Когда адъютант Виллема расслабил плечи, Грета выдохнула. Смотря на нее — и, скорее всего, он краем глаза наблюдал за поведением адъютанта, — начальник штаба вернулся к теме.

— Все фронты Союза, включая западный, добились позиционного тупика. Хотим мы сохранить такое положение вещей или прорваться — в любом случае нужно произвести анализ. А для этого нужна информация.

Грета неотрывно смотрела на Виллема, тот отмахнулся. Он не испытывал сильного энтузиазма, но и не выказывал намека на беспечность. Это были приготовления для исполнения своих обязанностей начальника штаба.

— Мы возобновим дознание Безжалостной королевы — Зелен Биркенбаум... Нужно тщательно расследовать, какие из разведанных правдивы, а какие ложны.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455406>